

Лю Чжэнь Ху подумал, что его уши работают неправильно, но к своему удивлению, он услышал, как Чэнь Мяо Пин с улыбкой повторил:

«Я всего лишь скромный человек, сдерживаемый своими желаниями. Так что я не буду ходить вокруг да около. Если я проиграю, то буду ползать по кругу три раза, лая, как собака. Если вы проиграете, вы дадите мне 7000 гуань. Что вы об этом думаете?»

7000 гуань - немалая сумма. Если бы Лю Чжэнь Ху действительно проиграл столько денег в азартной игре, У Ань Хоу живьем содрал бы шкуру с собственного сына. Но он был очень уверен, что не проиграет Чэнь Мяо Пиню, поэтому стиснул зубы, проигнорировал все свои инстинкты, говорившие ему, что это плохая идея, и принял пари.

«Прекрасно! Как вы тогда сказали.»

Писать стихи - это требует времени на подготовку. Но такие соревнования случаются время от времени, поэтому материалы были подготовлены быстро. Служанки принесли курильницу с благовониями и стол, на котором стояли кисти и бумага. Лимит времени был установлен примерно на одну горящую палочку ладана, и в тот момент, когда ладан был зажжен, Лю Чжэнь Ху немедленно начал писать, размышляя над темой. Но большинство взглядов всех присутствующих были сосредоточены на Чэнь Мяо Пине, желая увидеть, что он может придумать.

Не обращая внимания на многочисленные взгляды, устремленные на него, Чэнь Мяо Пин только продолжал пить и пить, кубок за кубком вина. Покончив с одним кувшином, он принялся за другой. Его глаза были полны тумана, как у пьяницы, и его взгляд блуждал по комнате, пока он внезапно не заметил кого-то в дальнем углу. Это тело молча сидело там, но нежное женское лицо Се Юй Чжи было легко узнаваемо, наполовину освещенное светом, а другая половина её лица была покрыта тенью. И самым пленительным из всех были её темные чернильные глаза, которые, казалось, сверкали от блеска, отраженного от фонарей поблизости.

Цянь Тун и остальные члены группы были в панике из-за отсутствия движения со стороны Чэнь Мяо Пина, и один из них даже подошел, чтобы попытаться оказать ему некоторую поддержку,

«Да-Рен, пожалуйста, сделай что-нибудь быстро. Когда ты напьешься, как ты тогда будешь писать? Как неловко было бы ползти, как собака, и учиться лаять? Сколько стыда придется вынести тогда этой группе братьев?»

Чэнь Мяо Пин нахмурился, махая ему рукавами,

«Иди, иди, иди. Продолжай говорить, и сегодняшняя еда будет за твой счет.»

Лю Чжэнь Ху уже подготовил свой проект и начал писать официальное представление. И за это

время благовония в подсвечнике уже сгорели наполовину, когда Чэнь Мяо Пин наконец пошевелился. Но он только поставил кувшин с вином и медленно развернул марлю на правой руке.

Рана, нанесенная несколько дней назад, уже начала заживать, но, судя по тому, что наблюдатели могли заметить с первого взгляда, она была довольно ужасной. Сюэ И, который был рядом, без сомнения, был шокирован этим зрелищем и сказал:

«Чэнь Гун-Цзы, если ты испытываешь дискомфорт из-за травмы, Сюэ И готов стать твоей кистью.»

«Нет, ваша помощь мне не понадобится.»

Чэнь Мяо Пин покачал головой.

Этот фимиам почти дошел до последних остатков, и ученый, одетый в светлую мантию, который раньше язвил ему в ответ, с любопытством посмотрел на Чэнь Мяо Пина. Увидев лист бумаги все еще в нетронутном состоянии, он не смог удержаться от громкого насмешливого смеха.

«Почему брат Чэнь не шевелит кистью? Другие хвалили тебя за твои необыкновенные способности в литературном искусстве, но как ты мог быть таким медлительным? Брат Лю уже закончил.»

Все оглянулись, когда он это сказал, и увидели, что Лю Чжэнь Ху как раз заканчивает своего последнего персонажа. Когда Лю Чжэнь Ху отложил кисть и повернулся, чтобы посмотреть на Чэнь Мяо Пина, он тоже громко рассмеялся, увидев свою чистую бумагу. Он приказал слуге предоставить его стихотворение госпоже Се И на суд и высмеял Чэнь Мяо Пина,

«Чэнь Мяо Пин, о, Чэнь Мяо Пин. Этот Да-Е1 ждет, когда ты будешь ползать по полу, лая, как собака. Если ты прямо сейчас признаешь своё поражение, возможно, я даже передумаю и подумаю о том, чтобы отпустить тебя.»

Чэнь Мяо Пин сделал глоток вина из своей чашки,

«Это не соревнование в скорости. Давайте сначала взглянем на стихотворение брата Лю.»

Госпожа Се милостиво разрешила этот заказ и получила стихотворение Лю Чжэнь Ху от своего слуги, чтобы внимательно просмотреть его. Выражение ее лица немного остыло, когда она читала и в конце концов выдала оценку приемлемо,

«Смысл средний, и слова едва связаны между собой. Ниже среднего.»

Древнее общество было в основном патриархальным, и женщины всегда считались низшей кастой, особенно в развлекательном районе. Но, говоря по правде, знания этих дам не были построены на фальшивой и пустой лжи. Если говорить о руководстве страной, то Се И, возможно, не достигла такого уровня, но, судя по поэзии и песням, она была мастером искусств.

Лю Чжэнь Ху был завсегдаем развлекательного района и, естественно, знал это правило, поэтому, услышав ее слова, не стал возражать против резкости. Он только и ждал, когда Чэнь Мяо Пин напишет стихотворение “ниже среднего”, чтобы посмеяться над ним.

С одной лишь палочкой благовоний в качестве ограничения по времени, хотя стихотворение Лю Чжэнь Ху не было хорошим, оно считалось средним. Но для того, чтобы это стихотворение все еще не было под глазами Сюэ И, оно действительно заставило нескольких людей почувствовать боль в зубах. Она передала стихотворение своей личной служанке и перевела взгляд на Чэнь Мяо Пина,

«Гун-Цзы закончил свое стихотворение?»

Чэнь Мяо Пин подсознательно посмотрел в угол, где находился Се Юй Чжи, но увидел только другого, скрестившего руки на груди и безэмоционально смотрящего на него. Он не мог сказать, был ли Се Юй Чжи счастлив или зол, и Чэнь Мяо Пин запрокинул голову, чтобы допить последнюю чашу вина и скрыть растущую улыбку на губах.

Чэнь Мяо Пин тряхнул рукавом и, наконец, взял кисть, чтобы начать писать. В эту секунду пары и пары глаз метнулись к нему, а некоторые даже шагнули вперед, повторяя каждую фразу, пока он писал.

«Восточный ветер дует ночью на цветы, как будто распускаются тысячи деревьев. Проливаясь дождем, звезды падают с неба……»

Были и такие, кто не мог не кивнуть, так как начальная линия была уже намного больше, чем у Лю Чжэнь Ху. Единственным недостатком было то, что слова выглядели немного некрасиво, но, видя, что рука Чэнь Мяо Пина была повреждена, они не стали заикливаться на этом и продолжали смотреть и слушать следующую строчку.

«Драгоценные лошади и богато украшенные экипажи распространяют аромат, когда они двигаются. Они играют трогательную музыку из флейт, переплетаясь с сияющим лунным светом. Танец с рыбами и драконьими фонарями, среди изысканных одежд, украшенных орнаментами и цветами в волосах, их улыбки приносят аромат, когда они проходят мимо……»

Эти слова описывали декадентскую атмосферу и окружающую среду с такой образностью, обнажая красоты среди незабываемых образов цветочных ароматов и неопишуемых теней красоты, что было слишком велико, чтобы говорить об этом. Лицо Лю Чжэнь Ху начало оседать еще до того, как Чэнь Мяо Пин написал последнюю фразу,

«В толпе я ищу напрасно. Но внезапно я поворачиваю голову, и этот человек стоит там, где тускнеющие фонари освещают и падают ...»²

Кисть поднялась с бумаги, и все здание погрузилось в тишину.

В первых двух строчках, описывающих бурную и оживленную атмосферу, помимо конкретного и блестящего использования формулировок, не было ничего особенного. До самой последней строки эти женщины, описанные с красотой, должны были быть только фоном для одного человека.

Сюэ И не могла оторвать глаз от этого стихотворения и пробормотала, не задумываясь,

«В толпе я ищу напрасно. Но внезапно я поворачиваю голову, и этот человек стоит там, где тускнеющие фонари освещают и падают.....»

Она погрузилась в чистые образы и испустила долгий вздох. С очень сложным выражением лица она посмотрела на Чэнь Мяо Пина,

«Какая блестящая линия. Это бесспорно поэма ночи. Чэнь Гун-Цзы, ты победил.»

Мозг Лю Чжэнь Ху щелкнул при этом, слова, которые так легко произнесли губы Сюэ И, были подобны удару молнии в его голову в солнечный день, заставляя звезды появляться в его глазах. Не помогло и то, что Чэнь Мяо Пин запечатал его, сигнализируя руками “7” и смеясь,

«7000 гуань. Это 7000 гуань. Брат Лю, ты не должен забывать.»

Лю Чжэнь Ху почувствовал, как кровь застревает у него в горле, и его лицо несколько раз дернулось, как будто он хотел что-то сказать, но не мог. Его лицо горело красным, а глаза могли убить Чэнь Мяо Пина тем, как они смотрели на него. В конце концов он только протянул руку и грубо схватил своего личного помощника. Два слова он выплюнул сквозь стиснутые зубы —

«Мы. Уезжаем!»

Повсюду вокруг него раздавался громкий смех, и Сюэ И была смущена и пристыжена своими действиями, вызвавшими это зрелище. Она согнулась в коленях, чтобы завершить поклон, и сказала:

«Гун-Цзы - необыкновенный человек. Эта маленькая девочка подпадает под ваш блеск.»

Современные люди хотели бы встретиться с теми, кто состоит в древнем обществе, и люди древнего общества убили бы, чтобы встретиться с теми, кто из современного общества. Этот

обмен, который охватит всю историю, конечно же, был обращен к Синь Цицзи, господину Синь3. Но небеса не позволили людям истории родиться всем в один период времени.

«Юная мисс, вы слишком хвалите меня. Мой ум относится только к самым незначительным вещам, поэтому я не могу поддержать титул, которым вы меня хвалите.»

Проще говоря, Чэнь Мяо Пин использовал поэзию для пощечин. Он слегка отвернулся, чтобы избежать поклона Сюэ И, на глазах у всех, засунул только что написанное стихотворение в один из своих рукавов и помахал им, улыбаясь,

«Волнение было замечено. Алкоголь был выпит. Уже довольно поздно, так что я сейчас уйду.»

А потом пусть Цянь Тун и ребята узнают, прежде чем оставить свою долю денег и уйти самому из дома Чунь Сяо. Не желая разговаривать с теми, кто хотел, чтобы он остался, чтобы обсудить его поэзию.

Увидев это, Се Юй Чжи тоже встал и последовал за ним. Когда он вышел, Чэнь Мяо Пин стоял, прислонившись к двери, и ждал его с пакетом кекса из боярышника. Он ел его маленькими кусочками и, увидев, что Се Юй Чжи вышел, улыбнулся, передавая ему пакет.,

«Хочешь немного?»

Се Юй Чжи заложил руки за спину, отвергая сумку, которую протягивал Чэнь Мяо Пин. Он намеренно придал своему лицу суровое выражение,

«Какой смелый поступок - осмелиться прийти сюда за моей спиной. Разве ты не боишься того, что я сделаю с тобой с этим знанием?»

Чэнь Мяо Пин совсем не волновался, так как он даже не спал с другой женщиной,

«Я только что услышал имя и репутацию дома Чун Сяо, и мне стало любопытно. Сегодня я пришел, чтобы бросить быстрый взгляд, и там не было ничего интересного. Ничего такого, к чему стоило бы возвращаться.»

Чэнь Мяо Пин расправился с пирогом в несколько укусов и похлопал себя по рукам, словно собираясь уходить. Се Юй Чжи, однако, потянул его за воротник, заставляя его не двигаться, и он с отвращением поджал губы,

«Ты даже написал стихотворение для этой женщины.»

Чэнь Мяо Пин играл роль опытного игрока,

«А что, если я это сделаю?»

Темные глаза Се Юй Чжи уставились на него, почему-то чувствуя себя немного обиженным в его глазах,

«Ты написал стихотворение для другой женщины, и ты все еще спрашиваешь меня, что, если бы ты это сделал?»

«Кто сказал, что я написал это для нее?»

Алкоголь начал проникать в его голову, и он наконец почувствовал себя немного пьяным. Он достал из рукава сморщенный листок бумаги и разгладил его. Он указал на последнюю строчку,

«Видишь? В толпе я тщетно ищу. Но внезапно я поворачиваю голову, и этот человек стоит там, где тускнеющие фонари освещают и падают.....»

Чэнь Мяо Пин ущипнул Се Юй Чжи за лицо, довольно бандитски улыбаясь, и поддразнил,

«Какая красота. Знаешь, как я написал эту строчку?»

Лицо Се Юй Чжи застыло и ничего не говорило, но его уши медленно окрашивались красным.

«Мое сердце бешено колотилось от страха, когда я оглядел развлекательный район, посмотрел направо и налево, и в тот момент, когда я обернулся, я увидел тебя, сидящего в том углу, и эта линия сразу же пришла мне в голову.»

Чэнь Мяо Пин зевнул и положил руку на плечо Се Юй Чжи,

«Пойдем. Я устал. Пойдем домой спать.»

Се Юй Чжи не двигался.

Чэнь Мяо Пин сказал,

«Ах, чего ты боишься? Мы официально женаты.»

Се Юй Чжи немного потерял дар речи и протянул руку, чтобы поддержать его,

«Ты пьян.»

Карета приближалась все ближе и ближе, и было видно, как к ней спешат личные стражники. В воздухе прозвучал удар хлыста, и после этого на некоторое время воцарилась тишина. Се Юй Чжи вскарабкался наверх, протянув руку, чтобы схватить Чэнь Мяо Пина за плечо и подбросить его.

Внутри кареты было мягкое и большое пространство, и Чэнь Мяо Пин, очевидно, принял его за кровать. Он лег сверху, используя ноги Се Юй Чжи в качестве подушки, и собирался крепко заснуть. Одна сторона его лица была слишком хороша, чтобы быть настоящей, и Се Юй Чжи не мог не улыбнуться. Его длинные пальцы поиграли с хрустальным кулоном на поясе, а затем потянулись, чтобы погладить его по лицу.

«Чэнь Мяо Пин.»

«М-м-м ... М-м-м?»

Се Юй Чжи серьезно смотрел на него сверху, и его тело несло слегка горьковатый аромат китайской фитотерапии. Его тело немного наклонилось, придвигаясь ближе, чтобы спросить его,

«Были ли слова, сказанные в доме Чун Сяо, правдой?»

Чэнь Мяо Пин даже не расслышал, что он сказал, и только беспорядочно кивнул головой,

«Ммм. Это была чистая правда.»

Се Юй Чжи снова спросил с полуулыбкой,

«Тогда ты помнишь, что сказал?»

На этот раз Чэнь Мяо Пин слышал немного яснее и с обещанием похлопал себя по груди,

У меня верное сердце ко Второму Господину, которому небеса и земля могут быть свидетелями, а солнца и луна - моими доказательствами. В моих глазах другие люди подобны мимолетной пыли, даже если они рождены с красотой, у моего сердца есть только Второй Хозяин.

«Хорошо,»

Се Юй Чжи кивнул головой, очень довольный своим ответом.

«Тогда скажи мне, что ты собираешься делать с теми 7000 гуанями, которые ты выиграл у Лю

Чжэнь Ху?»

Чэнь Мяо Пин тут же замолчал. Се Юй Чжи не подумает о том, чтобы заставить его отказаться от некоторых своих личных сбережений? Этого не может быть, как может быть так много идиотов в мире, чтобы он обманывал?

Он молча развернулся и протянул руку, чтобы обнять Се Юй Чжи за талию. Он прижался лицом к объятиям Се Юй Чжи, тело его было полно невинности, и он тихо сказал:

«Накоплю денег и когда мы состаримся, я куплю тебе конфет.»

Се Юй Чжи, казалось, хотел рассмеяться, но сдержался. Он продолжал бесстрастно смотреть на него,

«Когда я состарюсь, смогу ли я вообще есть конфеты?»

«Не беспокойся. Мы не должны покупать это. Торт Османтус, рисовые чипсы⁵ тоже довольно хороши.»

Се Юй Чжи хотел сказать что-то еще, но Чэнь Мяо Пин не хотел слушать. Он потянулся, чтобы взять его за затылок, и подарил поцелуй, наполненный пьянящими ароматами. Не обращая внимания на легкую борьбу другого, он открыл рот Се Юй Чжи, чтобы исследовать и заявить свои права на его территорию.

Примечания:

*1 Да-Е: Да, как в Да-рене, Е, как в Гу-Е, сложите их вместе, и это используется для обозначения пожилого мужчины, обычно в семье, как бы с уважением. Но есть и другая коннотация, которая заключается в том, что Лю Чжэнь Ху делает здесь, используя его для ссылки на то, что он лучший человек, тот, кто имеет более высокое положение, чтобы дать такую милость. Я думаю, что лучшее выражение может быть более святым, чем ты.

*2 Мое исполнение действительно изысканного стихотворения, но так как не было никаких “официальных” английских переводов, вы получаете мои навыки в стихах, как и все другие... Есть довольно много отличий от других переводов, и это была еще одна причина, по которой я их не использовал, потому что автор интерпретирует некоторые вещи, которые не имеют смысла, если бы я сделал это по-другому, или, может быть, так и будет, потому что стихи. Если вы хотите увидеть некоторые другие переводы lol, вы можете выполнить поиск по запросу (Green Jade Table / Plate/Case. Ночь фестиваля фонарей Синь Цзыцзи). Помимо того, что само стихотворение имеет много различных переводов, первая часть названия тоже имеет ...

Также еще одно замечание для этого заключается в том, что местоимения (he/she/it/him/her) все имеют один и тот же звук, но пишутся по-разному. Поэтому, если вы читаете другие

романы, может возникнуть такое непонимание, что вы думаете, что это сцена девушки против парня, но в этом случае фактическое стихотворение должно быть взято для ссылки на девушку, но, конечно, здесь оно изменилось, как вы увидите позже.)

*3 Синь Цзи: Человек из династии Сун, который был военным с большими достижениями, но более известен своим исключительным литературным искусством от его учений/понимания до стихов, таких как фестиваль фонарей, который пришел из его желания объединить страну как единое целое (и быть частью народа, соединяющего все отдельные страны в одно целое, как быть генералом, чтобы возглавить армии для выполнения такой задачи, которую, к сожалению, он никогда не мог сделать).

*4 боярышниковый пирог (苹果派): по-видимому, он похож на перезревшие яблоки, согласно википедии, но лично я отмечу, что он более сладкий, кислый и острый, что почти похоже на то, что делает маринованная редька, и вроде как освежает вашу палитру, но также довольно сытный, и есть много его вариаций, и некоторые из них являются довольно хорошей закуской, где он более сушеный.

□ - - Cookidoo ® - официальная платформа рецептов Thermomix ®

*5 Торт Османтус (苹果派): торт, который имеет тонкий нежный сладкий вкус и выглядит довольно красиво, сделанный из цветов османтуса

□□□□□□□□□□300□□□□□□□□□□

Рисовые чипсы (苹果派): вроде как рисовые чипсы, но тверже? хрустяще? чуйер/чомпьер? и пикантный. Еду трудно описать ха ха

□□□□(□1□) - □□□□

К вашему сведению, хотя они и называются тортом османтуса и тортом боярышника, это больше похоже на желе. (Слива □)

Удачных выходных, Галактические Судьи □

<http://bllate.org/book/17367/1628907>